

Издание
Рабочей газеты

№12
ДЕКАБРЬ 1925 г.

При этом № бесплатное приложение: „Шахты".

МУРЗИЛКА

1925 г. Декабрь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ"
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА.
Год второй.

№ 12. Декабрь

Трудная загадка.

Дедушка-пионер.

Борьке семь лет, а деду, Егору Макарычу, — семьдесят. Разница в годах большая, а сошлись они так, что и водой не разольешь.

Мать и бабушка на дедушку сердятся, часто нападают на него:

— Революционер ты несчастный, тоже коммунист!.. Всю жизнь прожил, а ума не нажил. Каторжный, право, каторжный и есть.

Дед отмалчивается, только иной раз скажет:

— Каторжный — точно, а довелось дожить до того. из-за чего на каторге сидел. Слышь, — рабочие-то всей страной правят!..

Плюнет мать, махнет рукой бабушка. Неохота разговаривать. Какой им прок от старика? Все-то он старается о чужих людях больше, чем о своих. И всю жизнь так-то. На какой завод, бывало, ни поступит, народ перебаламутит, — и в острог его.

И теперь тоже: чем бы дома хоть дров поколоть, обувь починить, а он, старый хрен, вон избу под клуб отстроил, с читальней возится.

А теперь еще ребят деревенских перемутил. Последние деньжонки из-под половицы вынул да,— на-ка!—все на ребят. Пионерами их заделал, косынок им накупил, значков, барабан. Вовсе из ума старик выжил. Борьку в школу гоняет, октябренком его зовет.

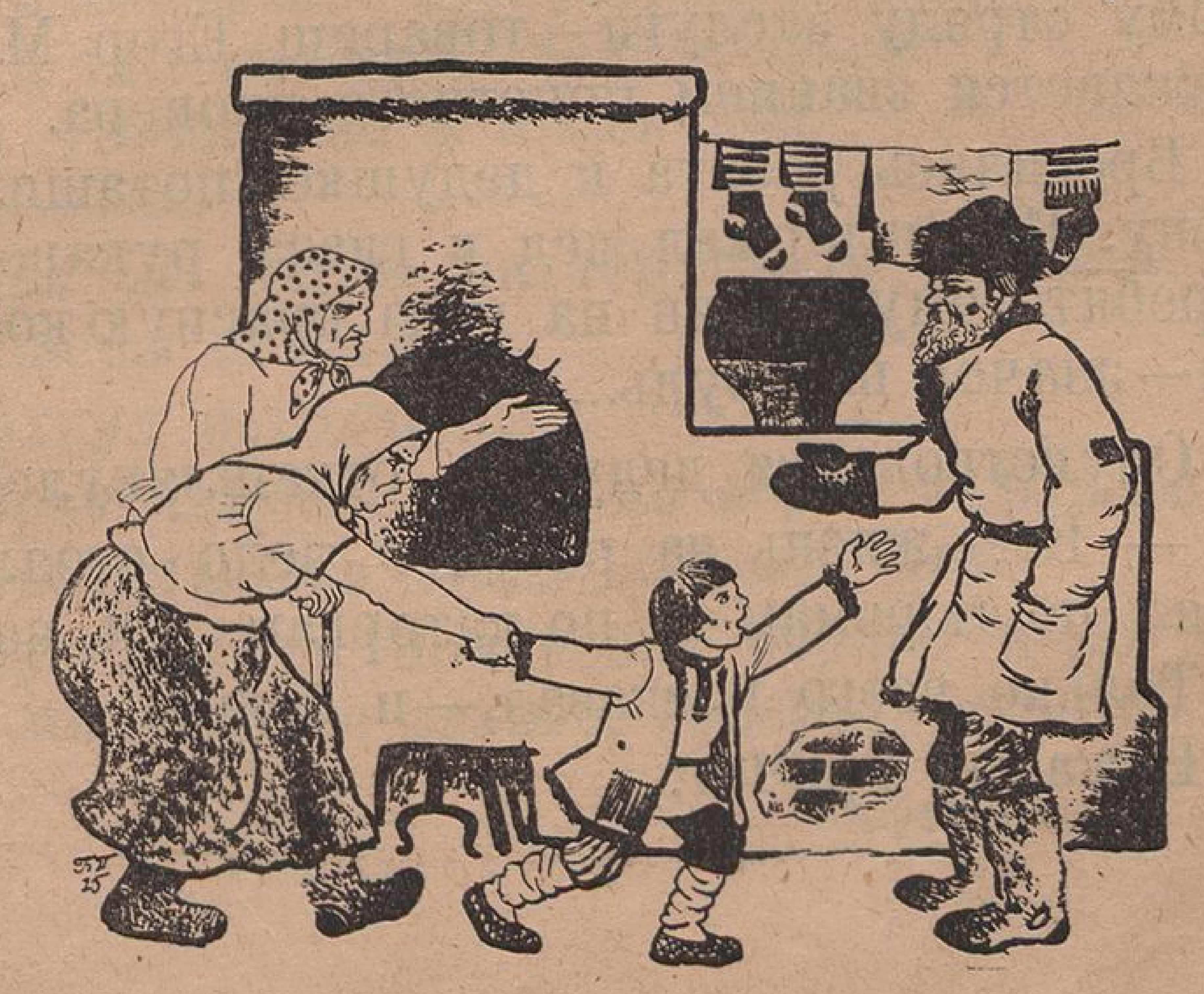
А Борька, пострел, и рад.

— Я, дедушка, пионером тоже хочу быть,—говорит.

— В октябрятах прежде походи... Подрастешь,—тогда и в пионеры,—смеется старик.

В годовщину смерти Ленина открывали клуб, и в тот же день пионеры обещание давать готовились

Две ночи перед тем дед Егор возился в клубе все устраивал, убирал. И Борька ему помогал.

На открытие Борька с ним увязался. Мать кричит:

— Не пущу... Ну, вас совсем...

— Зря ребенка совращать только.

Сиди дома, не то уши на-прочь оторву, — вторит бабушка.

Да дед на своем настоял. Увел-таки внука.

А в клубе—светло, людно. По стенам портреты вождей, из елок гирлянды развешены с красными лентами. И сцена устроена, откуда говорить будут.

Из города гости приехали, шефы. Музыку привезли и подарки. Вечер прошел на славу.

Дед рядом с Борькой сидит, все поясняет. А у самого лицо так и светится, глаза горят.

Вот кликнули ребят - пионеров. Собрались они на сцене. Знамя сбоку Гришка Рыжий держит. Читает вожатый „Обещание“,—все ребята вслух каждое слово повторяют. А потом как грянут:—„Всегда готовы!..“ Музыка „Интернационал“ грянула, и у Борьки по спине—мурашки.

И вдруг слышит Борька, выкликает вожатый:

— За оказанные обществу нашего села и пионерскому отряду заслуги—товарищ Егор Макарыч награждается званием почетного пионера.

Бросились ребята к дедушке, потащили его на-сцену. Не выдержал дед и глаза рукавом утирает. А ребята ему—один на шею красную косынку, другой—значок на грудь...

Очувствовался дедушка, откашлянулся и говорит:

— Всю жизнь за рабочее дело стоял, чуть не сгнил по тюрьмам да по каторгам. Ан, наша взяла..

Только всего и сказал,—и будет.

Вожатый кричит:

— Товарищ Егор Макаров, за рабочее дело стоять будь готов.

А дедушка ему:

— Эва!.. Давным давно всегда готов!..

Вот ловко-то!..

Домой шли, — Борька за деда радовался, а всетаки одна мысль покоя ему не давала.

Не выдержал-таки, окликнул деда:

— Дедушка, а дедушка?..

— Чего тебе?..

— Вот ты сказывал: „побудь, Борька, наперед в октябрятах, а там пионером заделаешься“.

— Ну, и что-ж? Оно и правильно.

А Борька свое:

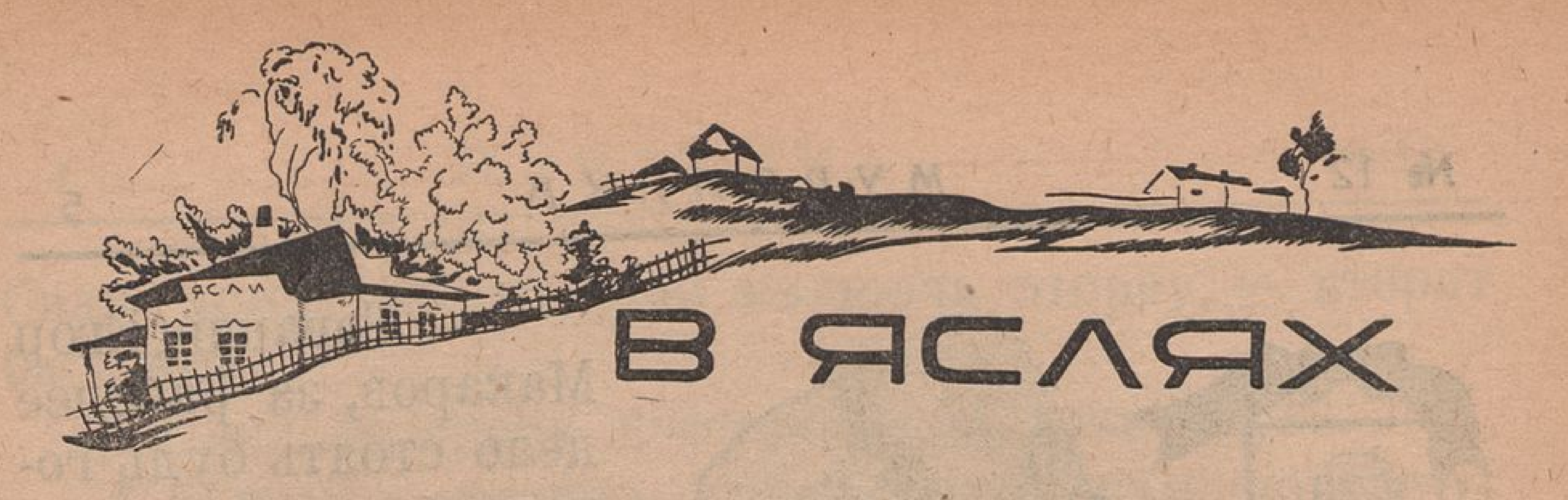
— Да как же ты в октябрятах-то не был, а прямо в пионеры попал?

Дед вздохнул и говорит:

— Ты, брат, Борька, меня не кори: я близко— 60 лет в октябрятах-то ходил, вон оно что...

Борька тут язык и прикусил. Верное дело: заслужил дед пионерское звание, говорить нечего!..

Андрей Беломор.

В ЯСЛЯХ

Долго хлопотали работницы одной фабрики, чтоб ясли устроить для малых ребят при фабрике. Нельзя никак без них.

У многих работниц маленькие дети. Самой—на фабрику нужно, а с кем ребят дома оставить?

Вон у Марьи Капухиной—двое ребят—девочка 5 лет да мальчик трех. Девочка нянчится с малышем. А за ней самой еще присмотр нужен. Долго ли до беды? За малышем во все глаза смотри, чтоб он кипятком не обварился, не порезался, дома не поджег.

Добились-таки своего работницы. Был на пустыре около фабрики старый запущенный дом.

Отделали его, прибрали. Совсем хороший дом стал; а лучше всего,—что стоит он весь в зелени.

Работницы, как идут утром на работу, захватят с собой ребят, зайдут в ясли и оставят там малышей.

Там ребята весь день и проводят до вечера. Идет мать с фабрики, зайдет в ясли и захватит ребенка.

И ребятам хорошо. В яслях их много,—им и весело. Играют вместе, вместе обедают, иной раз и поссорятся. Да это что? Не надолго их ссора,—живо опять помирятся и снова за игру.

Вот как-то зашел с одной работницей в ясли пионер. Посмотрел, посмотрел на ребят да и говорит:

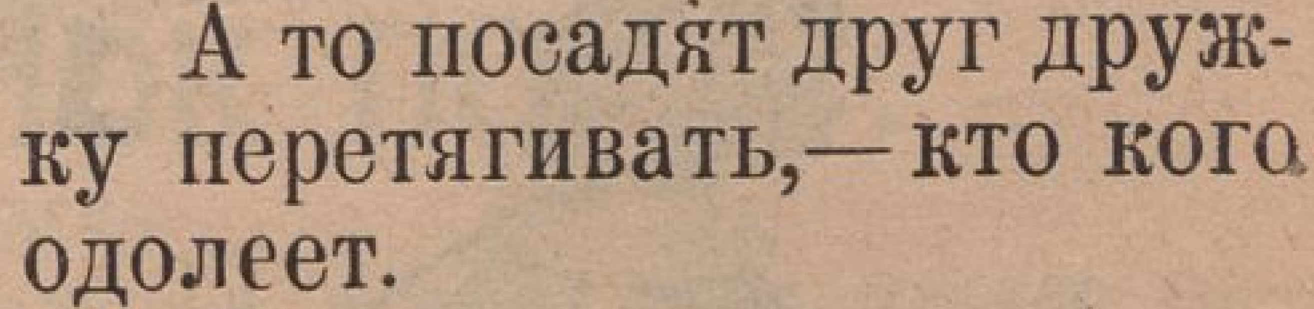
— Нам бы здесь с ребятами позаняться. Мы бы их кое-чему научили.

— А чего же вы зеваете? — говорит работница. — Известно, кабы захотели, — много бы сделали.

Уговорил других ребят пионер, и с тех пор стали пионеры в ясли захаживать.

А малышам одна радость. Мастера эти пионеры игры затевать.

— Репку сажать, ребята!.. — крикнет пионер, и тянутся к нему малыши, хохочут.

А то посадят друг дружку перетягивать, — кто кого одолеет.

Опять малыши в восторге. Малышу этакому — все внове: как из чурок и щепок построить городок, устроить железную дорогу, как из глины научиться лепить человечков и животных.

Потом ребята все любят рисовать, — а сами даже карандаша не умеют держать в руке, и с чего начать — тоже не знают.

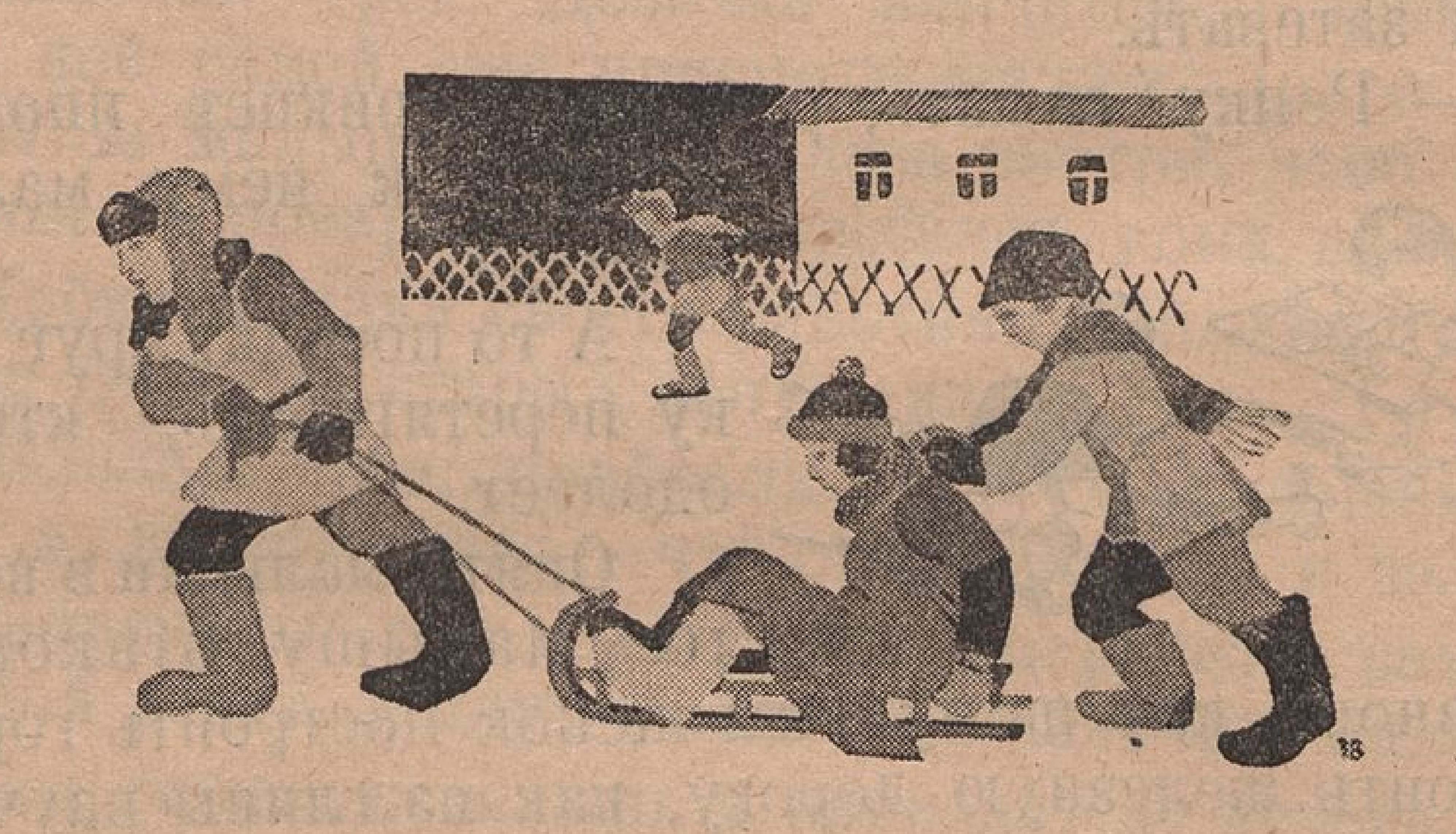
Ко всему сноровка нужна. А пионер — тут как тут.

А наиграются малыши, устанут,—пионеры и начнут читать им рассказы, стихи, учить песням, а попутно ведут беседы с малышами об обязанностях октябрят.

Месяца не прошло,—малыши только пионерами и бредят. И дома все о пионерах говорят.—Ждут, не дождутся, когда вырастут и сами такими же будут.

Работницы говорят:

— Наши пионеры молодцы ребята. Не все о себе, а и о малышах думают, заботятся, к себе ребят приучают. И нам от них помощь большая.

Зимним утром.

В жемчужно-белом инее
Березы у обрыва.
Из труб прямые линии
Вверх тянутся лениво.
С ведром парнишка маленький
Шагает вдоль сугроба.

Глубоко вязнут валенки,
Глядишь,—промокли оба.
Идет он прямо к проруби
За ключевой водицей.
В морозном небе голуби
Летают вереницей.

А. Чельцов.

МЕДВЕЖОНОК ПОМОГ.

БЫЛЬ.

На краю деревни стояла избушка, а над дверью висела вывеска „изба-читальня“.

Оборудовал ее Митя, комсомолец, а кое-кто из ребят помогал ему.

Грязно было сначала в избенке; да деревенские ребята ее заново выскоблили, вымыли, в порядок привели.

То раньше темно в избушке было: стекла закоптелые, мухами засиженные, а местами вместо разбитых стекол были дощечки набиты. А как промыли ребята стекла да вставили новые вместо дощечек,—словно прозрела слепая старуха-избушка.

С‘ездил избач-Митя в город, раздобыл книжек, газет, журналов.

По середине избы поставил стол, вокруг—лавки. А на столе газеты разложил и журналы. Ну, совсем хорошо стало.

Только вот диковинное дело,—не идет никто в избу-читальню. И ребята, что прежде помогали Мите,—запропали.

Встретил как-то одного.

— Куда запропал? Чего не ходите в читальню?

— Тятька не велит.—„Чего, говорит, тебе там делать?"

— А сам тятька почему не заходит сюда?

— Да он говорит,—скучно чего-то... Вот, мол, невидаль!

Стал Митя с крестьянами об этом же заговаривать.

А те ему и говорят:

— Отстань. Чего тебе от нас надо? Избу тебе дали, как просил, и сиди в ней.

Сидит Митя по целым дням в избе-читальне, все думает, как-бы к себе крестьян залучить, чем приманить.

Вот только раз идет он в праздник по улице, смотрит,—сбились крестьяне в кружок, слушают, что им рассказывает дед Василий. Только, что из Москвы старик приехал.

— Вот,—говорит дед Василий,—попал это я, братцы мои, в сад некий. Звать-то его мудрено, не упомнишь. А только всякого зверья в нем—видимо-невидимо. И волки, и птицы, и лисицы, и верблюды, и олени. А то еще этакая вот громадина—слон называется..

Митя прислушался да и говорит:

— Да это ты в Зоологическом парке был, значит!

Недружелюбно посмотрел на него старик.

— Ну, там, так там. А ты не мешай. Ты вот в избе своей сидишь, в книжки читаешь, а про то нам ничего никогда не сказывал.

И начал дед Василий дальше рассказывать про зверей всяких. А вокруг него все дыханье притаили, слушают...

Задумался Митя. А там—запер избу-читальню и уехал куда-то. С неделю пропадал. Вернулся как-то близко к ночи на чужой подводе. Далеко за ночь выгружал что-то.

А на утро—глядь, на двери читальни надпись, на картонке:

Новейший зверинец.

Бесплатно все желающие могут обозревать медведя, волка, лису и других животных.

Да мало того,—в избе по одной стене развесил Митя картинки, на которых изображены разные животные: тут и тигр, и лев, и верблюд, и носороги, и слон.

Дед Василий враз узнал и слона, и тигра.

— Во-во,—говорит,—этих самых я и в Москве видал.

Что тут пошло,—диковина! Все село перемутилось.

Сначала ребята малые да молодежь, а там и почтенные бородачи в избу-читальню повалили. Хоть очередь устанавливай.

— Митька,—кричат,—где твой зверинец? Показывай, что ль!..

— А вот сейчас...

В углу у Мити медвежонок на цепи сидит. А рядом в клетке волчонок и лисица...

Не диковинные звери, а каждому любопытно посмотреть.

— А ишь, как ладно у Митьки в избе-то читальне...

А Митя все слышит да на ус мотает.

— Еще бы,—говорит,—вот и газеты, и журналы разные. Хотите, почитаю вам?

— Ну, ну, читай; нонче праздник,—свободно...

Рад Митя,—добился своего.

———

С каждым днем в читальню шло все больше и больше народа, и шли уже не только смотреть медвежонка, а послушать избача,—потолковать с ним о крестьянском житье-бытье.

Медвежонок, волк и лиса еще живы, но скоро уже будут не нужны...

Труден только первый шаг.

Думай—не думай,—а в пять лет
В октябрята ходу нет.
Вот будет лет восемь,—
Тогда милости просим!...

ЗАЯЦ.

Под раскидистой елкой заяц притаился, сидит тихонько, не шелохнется. А притаился он потому, что пролетел поблизости ястреб.

Житье заячье горемычное,—каждый его обидеть норовит; со всех сторон грозит ему опасность. Чуть зазевался,—глядишь, и угодил либо лисе длиннохвостой на зубок, либо волку серому, либо ястребу в когти. Ворона—и та, если она посильнее, норовит обидеть зайца.

Вот и сидит заяц под елью, схоронившись, ждет, пока улетит ястреб.

Увидела белочка зайца и спрашивает:

— Ты от кого здесь спрятался?

— От ястреба,—отозвался шепотком заяц.

— Да он уже давно улетел отсюда.

— Улетел? Это хорошо. Значит, и я могу бежать дальше, еду себе промышлять. Хотел было я на огород пробраться, там кочерыжки вкусные от капусты остались, хотел бы их поглодать, да теперь уж не пойду.

Пошевелил заяц ушами, вздохнул.

— Скоро зима, а зимой мне еще хуже придется: — волк голоден, лиса голодна, ястреб голоден, ворона голодна, и все они на меня будут охотиться. А на снегу следы мои каждый заметить может, прятаться еще труднее будет. Я хоть и переменю свой наряд, но все-таки трудно мне придется.

— Ах да, я и забыла, что ты зимой меняешь свой наряд, — молвила белочка.

— А как же, — отозвался заяц. — Я — заяц беляк, и меняю цвет своей шкурки: летом она у меня серенькая, а зимой белая. В этом тоже моя защита: в белом наряде зимой меня не так легко заметить моим врагам. Ну, прощай, побегу пожевать ветки молодой осинки.

И заяц побежал к опушке леса...

Е. Шведер.

С ГОРКИ.

Горка крутая,
Вся снеговая...
Эй! Эй!
Санки живей!

—

Сели гурьбою,
Мчатся стрелою...
Ай! Ай!
Нам не мешай!

—

С горки скатились,
С санок свалились
Ух! Ух!
В снежный пух!..

Ив. Белоусов.

Мурзилкины похождения.

XIII. **Сразу один**.

Поезд подходил к Москве. И все в вагоне заволновались, — с мест повскакали и притиснулись к дверям. Каждому непременно надо выскочить из вагона первым,—это уж обязательно.

Только пионеры сидят на местах.

— Успеем,—говорит вожатый. — Схлынет народ, — тут и мы сойдем. А напрасно ты, Васюк, собачонку с собой прихватил. Куда нам ее?..

Васюк обхватил Мурзилку за шею.

— Она ласковая. Умная такая!..

И Мурзилка тотчас же лизнул его в нос и прошелся языком вдоль щеки.

— Да, чудак,—говорит вожатый, — ведь нам от вокзала на трамвае ехать надо. Как же ты пса повезешь?.. Ни по чем не пустят тебя с собакой...

Васюк заморгал недоумевающе...

— Как же быть-то?..

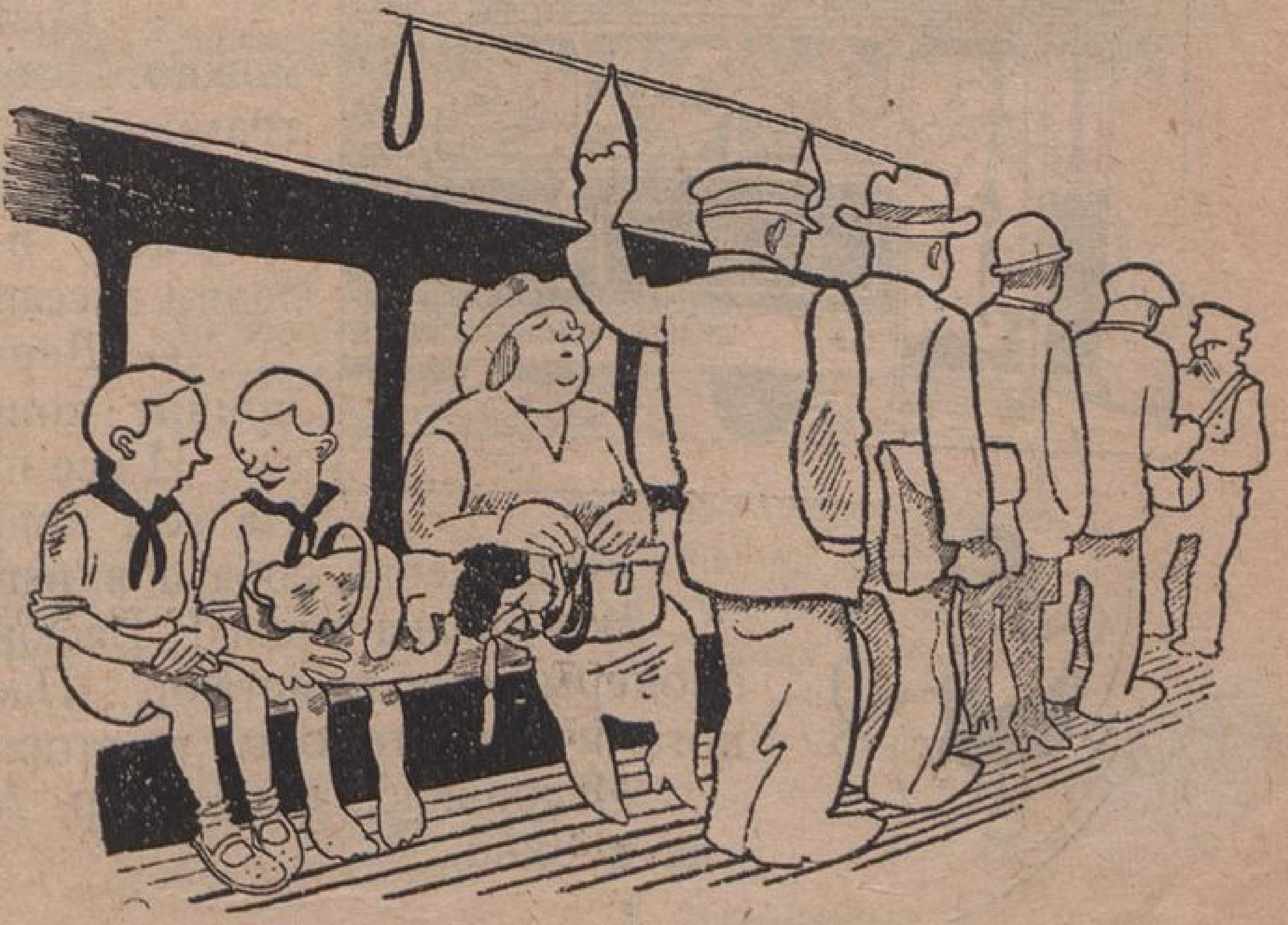
— Да, брат, пешком всю Москву не пройдешь ради собачонки. И устали мы,—ноги словно чужие... Выкини ты ее!..

Васюк крепче прижал Мурзилку к себе, и Мурзилка снова проехался языком ему по щеке...

— Вот что разве,—сказал вожатый,—корзинка из-под еды есть. Суньтуда собачонку, крышкой прихлопни. Да и держи крепче...

— Вот ловко-то!..

Стала машина. Пошли по платформе. Васюк корзину по земле волочит,—а Мурзилка из корзины словно зевает:

— Уау... Уау...

На площади три вагона пропустили. Все полно.

Наконец, идет № 6; на прицепе места есть. Вагон с продольными лавками.

Зацапались пионеры в вагон. И сразу вагон ожил от веселого говора и смеха.

Рядом с Васюком сидит женщина в шляпке, в плюшевом пальто, с ридикюлем. А из ридикюля конец сосиски торчит.

Мурзилку голод мучает. Ведь, с утра не ел...

Сразу, в корзине сидя, учуял, что под боком—вкусное что-то.

Васюк зевает по сторонам, смеется... А Мурзилка крышку корзинки головой приподнял—цап сосиску и жует...

А одна сосиска другую тащит из ридикюля, другая—третью.

И вкусные же,—сочные такие!..

Женщина в шляпке невзначай локтем повела да Мурзилку по носу. А Мурзилка думал,—отнять хотят у него ужин.

Оскалил зубы да как рявкнет:

— Рряф...

Вздрогнула шляпка... Да как оглянулась на сосиски, — из себя вышла... Кричит, вопит:

— Кондуктор... в вагоне собака...

А кондуктору только скажи про собаку,—в ужас придет...

Глаза вытаращил, точно чайные чашки... Колодкой с билетиками на Мурзилку замахнулся и на Васюка кричит:

— Гражданин!.. Да разве можно, чтоб собака да в трамвае?!.

Мурзилка в ужасе — через женщину в шляпке, да по коленям пассажиров вдоль вагона.

— Держи ее, держи... — кричит кондуктор. — Вон ее!..

И все пассажиры вскочили.

На том конце вагона вопят:

— Бешеная собака в вагоне!..

Вот свалка пошла!.. Васюк Мурзилку ловит, пионеры ему помогают... Пассажиры Мурзилку ногами из стороны в сторону отшвыривают...

Изловчился кондуктор, Мурзилку—за хвост да в окно...

Завертелся Мурзилка по мостовой... Завизжал от боли...

Не поймет, что такое с ним... Скользит трамвай змейкой все дальше и дальше... Кругом ломовики громыхают, фыркают автомобили, гудят грузовики-трясучие... Того гляди, раздавят. Люди взад, вперед бегут...

Жутко Мурзилке, жутко собаке, выброшенной в окно...

Кругом—широкая площадь незнакомая...

Еще там, на станции, где Мурзилка от Петьки отбился, где Мурзилка из рук в руки переходил, — все еще какая-то связь с Петькой была,—так, точно ниточка какая-то... А тут и эта ниточка оборвалась...

И стал Мурзилка настоящей бездомной собачонкой...

А. Федэ.

ЛЕПКА.

У нас сегодня лепка,
Мы лепим летний лагерь.
Хватаем глину цепко,
И мнем ее, и гладим.

Глядите,—вот палатки,
Вот мачты, вот и флаги,
Площадка смотрит гладкой,
И весел летний лагерь!

Кругом—леса дремучи
Натыканы из вербы;
И в стеклышках—гремучий
Ручей бурлит усердно.

Красиво все и крепко,
В сердцах улыбки тают.
У нас сегодня лепка,
Работа золотая!

А. Насимович.

Зима.

Зима наступила; все короче и короче дни.

Холодно в лесу и в поле; сильный ветер поднимает на открытых местах

Ящерицы в дупле.

метели. И беда животным, не успевшим спрятаться под защиту. Гибнут они. Да гибнут нередко и люди, застигнутые метелью в поле.

Вы знаете уже, как устраиваются на зиму животные с теплою кровью. У животных шерсть, у птиц оперенье к зиме становятся гуще.

Многие животные на зиму засыпают у себя по норам и логовам.

А попробуй-ка, проживи зиму нагишом! Вот это штука.

А приходится. Кому?

Да всем животным с холодной кровью, насекомым, личинкам.

Тоже сном, конечно, отделываются. Да мало того,—не только засыпают они, а замирают. Совсем мертвые лежат ящерицы, лягушки, змеи. А вешнее солнце проглянет, теплом подарит,—они, вроде Ваньки-Встаньки, как встрепанные, поднимаются.

Зароется лягушка в тину или на дно пруда, где вода не замерзает, и замрет. Ну, замерзла и замерзла. А на самом деле—живехонька.

А змеи целой компанией, штук по 15—20, заберутся в яму, под корни можжевельника, под старый гнилой пень—и оцепенеют.

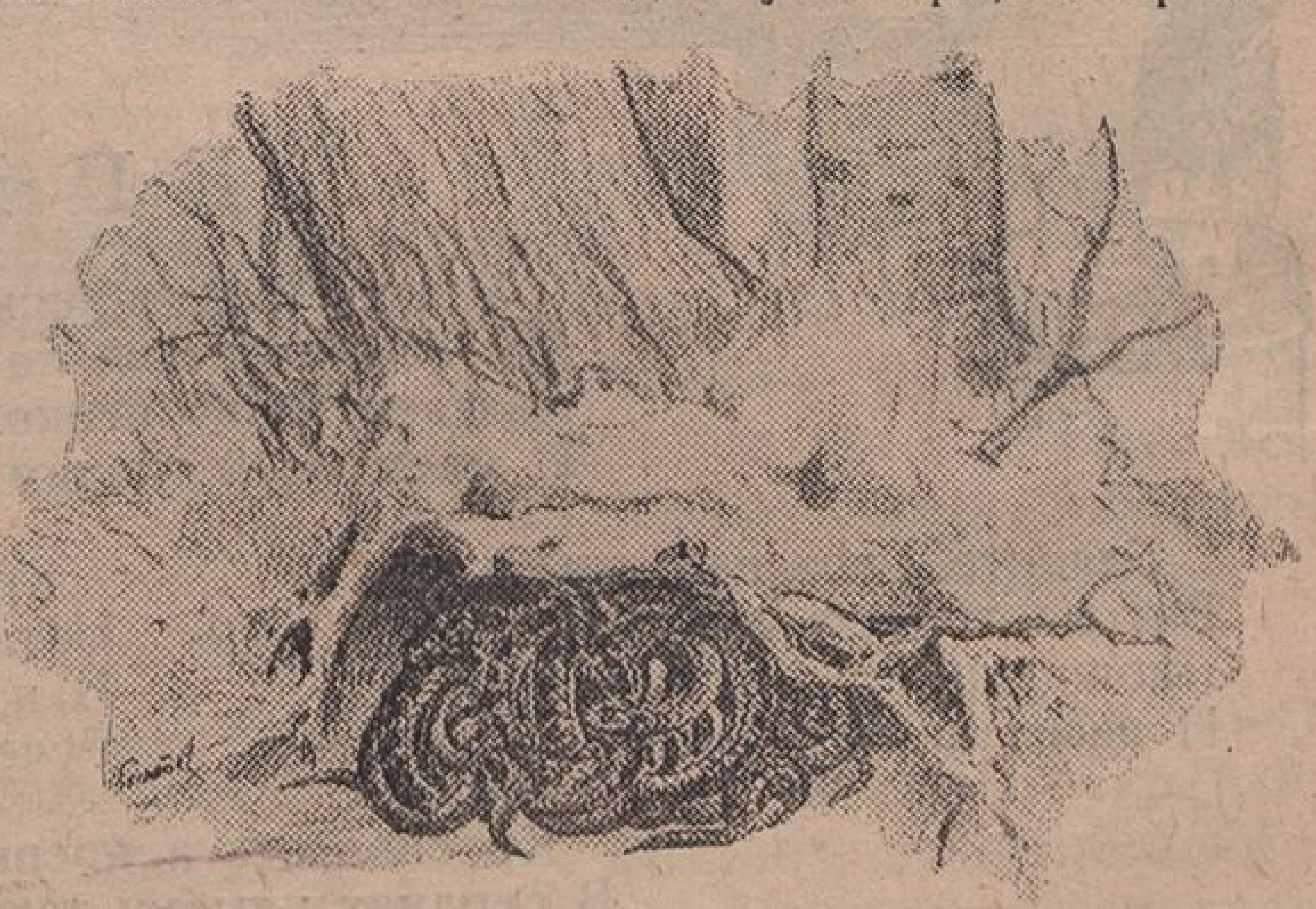
И ящерицы тоже замирают, забившись в трещины стволов, между камнями, в ямы.

Сильные морозы превращают змей-гадюк в твердые палки, как-будто совершенно безжизненные.

Как-то один француз-ученый, Одюбон, пошел зимой на охоту с сыном.

Устали. Развели костер. Мальчик пошел за новым запасом дров. Своротил пень,—а под ним лежит оцепеневшая змея.

Ученый положил ее в сумку за спиной. Сидит у костра, завтракает.

Змеи.

И чувствует вдруг,—что-то шевелится у него за спиной. Скинул сумку,—а оттуда и выползает ожившая змея.

Одюбон отпихнул ее подальше от костра, на мороз. И змея снова замерзла и окоченела.

Насекомые зимуют под разным видом: кто в виде яйца, кто—личинкой, а кто и совсем готовым насекомым.

Зимуют под корой деревьев, под мохом, под камнями, в куче старых листьев,—да где попало, только чтобы хоть немного укрыться от холода.

В лесу, до снега,—стоит разворочать сухие листья, что накопились в течение нескольких лет под хворостом или под камнями,—и тут найдется целая компания жуков, мух, ос и других насекомых.

Пройдет зима, сойдет снег,—возьмите несколько горстей листьев домой, положите в теплую комнату, а потом просейте через решето на лист чистой бумаги.

Тут-то и начнется жизнь на бумаге. Много знакомцев увидите вы.

Во время весеннего ледохода вы можете увидеть, как много насекомых зимует в совершенно развитом состоянии.

Кусочки коры, тростинки, листья, семена растений, что плывут по воде, покрыты сотнями насекомых и жуков.

Пригреет их солнце, и через несколько часов они расправляют крылья и начинают летать.

На лугах, в тени травяного леса, тоже зимуют насекомые.

Зальет полая вода луга,—торчат только кончики травы. И на них собираются тысячи спасшихся насекомых.

Паукам лучше всего: они напрядут паутинных нитей и сваляют из них плотное логовище где-нибудь под корой, под деревом и в земле, между камнями. В логовище заберется и замрет.

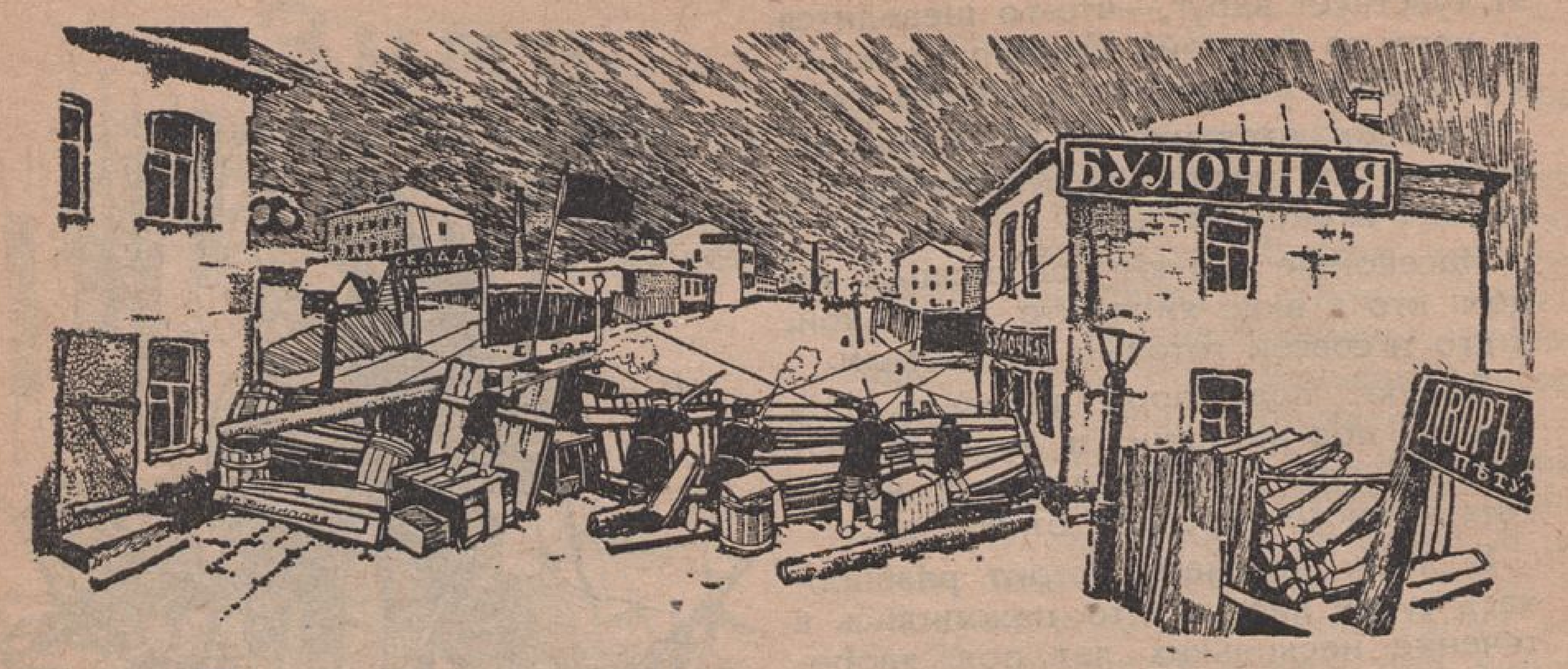

Недурно устраивается и майский жук. Он четыре года зимует в норе под землей, три года в виде личинки, а четвертый год—настоящим майским жуком.

Муравьи иногда впадают в спячку, иногда живут не хуже, чем летом. При теплой зиме, в глубине муравейника—все-таки тепло. И возня у муравьев не прекращается. А в сильные морозы в муравейнике холод доходит до двух градусов. Ну, тогда—вповалку ложатся спать,—тоже замирают до тепла.

Вот у пчел в улье дело обстоит лучше. Их в улье бывает до 20—25 тысяч, и сидят они, тесно прижавшись друг к другу. В середине этой кучи очень тепло, между тем как в улье лежит по углам лед. Так бывает у диких пчел. На пчельнике ульи с пчелами на зиму складывают в сухой подвал; там пчелы перезимовывают легко.

М. Б.

Двадцать лет тому назад.

Мне тогда, в 1905-м году, лет 10 было. Жили мы с семьей на Пресне.

Отец—на заводе, мать—по домашности. Жили плохо, впроголодь. А уж одевались—во что попало. Потому—все нехватки.

Только и житья было богачам, что фабриками, заводами да землей владели.. А крестьяне да рабочие на них работали.

Тут война еще с японцами была, и совсем от нее народ бедняцкий изнемог.

Терпели, терпели рабочие,—да и их терпению конец пришел.

Тут слышим, в Питере рабочие к царю решили пойти,—милости просить, чтобы защитил их от жадности фабрикантов, дал бы возможность жить полегче.

И потом слышим,—царь-то не то что разговаривать с ними не стал,—а приказал стрелять по ним.

Всю толпу рабочих с женами да детьми, что ко дворцу шла,—царские войска выстрелами разогнали.

Помню,—отец да еще кое-кто из рабочих, что у нас бывали, в ужас пришли.

— Ну,—говорят промежду собой,—постой. Надеяться, значит, нам на самих себя приходится. Видно, верно говорят умные люди,—как царя по шапке, тут и легче жить будет...

Весь тот год собирались рабочие с силами,—все готовились к тому, чтобы дружно подняться да свергнуть царя.

В октябре раз отец приходит, говорит:

— Ну, началось, кажись... Московско-Архангельская железная дорога забастовала, и Курская, и Нижегородская, и Рязанская. Дело начали.

Жутко стало. А отец веселый ходит. Слышим потом,—всеобщая забастовка. И заводы, и фабрики, и электрическая станция, магазины, трамваи—все стало...

Ну, только и это волнение удалось царю потушить.

А озлобление у рабочих все росло...

А в декабре месяце и началось...

Вышли рабочие на улицу с оружием в руках, стали баррикады (заграждения) строить на улице, чтоб от полиции отстреливаться.

А уж у нас на Пресне что было!..

В разных-то местах Москвы рабочие небольшими отрядами действовали. Ну, с ними полиция расправлялась легко.

А у нас—целый пролетарский лагерь устроился. Рабочие разбились на десятки, командующих выбрали. Отец мой—тоже начальником отряда был.

Утром как-то гонит нас на улицу:

— Тащите все, что есть—шкафы, сани, ворота на улицу,—заграждение строить.

А на улице-то—чисто муравейник. Копошатся люди,—кто телеграфные столбы рубит, кто деревья, кто тащит ящики, дрова. И все складывают поперек улицы.

Слышим, толки идут:

— Всю Пресню окружают войска...

— Отстоим,—говорят,— отобьемся...

А какое там отстоять,—из Петербурга и Варшавы гнали на нас свежие войска...

17 декабря — как железным кольцом окружили войска нас. И пробная стрельба из орудий началась.

В ночь-то на 18-е уморился я, заснул. Как ахнет что-то.

Я вскочил,—не пойму ничего.

А кругом гудит... Крик, гам на улице. А там как рявкнет что-то, — весь дом вздрогнул, окна звенят... Я—на улицу...

С двух сторон палили... Дым, смрад на улице... Горят два дома около нашего. Мечутся женщины и дети в клубах дыма, кричат, плачут.

Я—через улицу, споткнулся обо что-то, а это наш сосед, слесарь Гуркин,—ничком лежит. Готов!..

Я тут только сообразил ужас-то весь. Не знаю, куда бежать, что делать.

Вся в огне и дыму, Пресня адом казалась. От зарева светло, как днем.

Разгромили и подожгли целый ряд домов и фабрик.

18-го вся Пресня была разгромлена...

Да, уж жестоко расправлялись царские приспешники. Видно, больно страшно было царю и его слугам власть свою потерять. Не щадили никого.

А там пошли расправу чинить по железным дорогам, по фабрикам и заводам. Что народу перестреляли!

Революция 1905 года была задушена.

Революция вспыхнула снова с бешеной силой в 1917 году—она смела царя, всех, кто поддерживал его, —фабрикантов, помещиков, богачей, прислужников.

Революция освободила трудящихся от гнета капитала и создала первую в мире Советскую Социалистическую республику.

МУРЗИЛКИНА ПОЧТА

СЮРПРИЗ В БАШМАКЕ.

Сегодня с моей сестрой Томой вот что случилось. Она ходила и хромала, поднимая ножку, и говорила:—„Кака".—Ей 2 года. Обувала ее наша прабабушка.

Тогда мама сняла Томе ботинок, — там был мышонок: его поймала наша кошка и спрятала в Томин башмак, а прабабушка мыши не видала. Мышку мама вытащила за хвостик. Тома, Коля, Боря, папа, мама и я очень смеялись.

Расскажи об этом всем ребятам, которые тебя читают.

Шура Зозырев (7 лет).

БИОГРАФИЯ.

Я тебе опишу биографию своей собаки, Мурзилки. Он родился зимой, и его мать называлась Миррой. Мы его взяли к себе еще крошкой; он рос очень быстро.

И вот когда наш Мурзилка почувствовал свою силу, то он сделал нападение на индюков, еще маленьких, и одного сразу и прикончил. Это занятие ему понравилось, и он в тот же день задушил еще двух. За это он лишился свободы, и мы его привязали на цепь; но все-таки, когда настает вечер, мы его спускаем.

Владимир Крачковский.
Белоруссия.

ДИКОВИНКА.

А вот еще диковинка природы— дерево. Это дерево я увидел в лесу, когда мы ходили туда за зеленью, чтоб украсить нашу школу. Когда я пришел домой, так нарисовал это дерево. Ты напечатай его, чтоб все дети видели его.

Ники Мищенко.
Красивый Луч, Дон. губ.

ОКТЯБРЯТА.

У нас, в Пензе, при 3-ем Западном отряде есть группа октябрят в 25 человек. Работают они хорошо. Разделились на пять звеньев и выпустили свои звеньевые уголки. Оборудовали уголок октябрят и уголок Ильича. На общем собрании октябрят стоял вопрос о стенной газете. Выбрали редколлегию из пяти человек и приступили к работе.

Отряд юных пионеров надеется на них, что они в будущем их сменят не зря.

В. Смирнов.

КОПИЛКА МОПР'а.

Я хочу тебе рассказать, как я сделал дома МОПР. Взял коробочку, в крышке сделал дырочку и повесил в уголок Ленина. Кто придет,—кладет копейку; а потом я с папой отвезу в МОПР.

Лева Иванов (7 лет).
Живу в Москве.

Октябренок любит чистоту.

СМЕЛЫЙ ПИОНЕР.

Недавно у нас в Лесной мальчик трех лет играл на обрывистом берегу небольшого пруда, упал и скатился в воду. Девочки и его сестра перепугались и заплакали Недалеко, метрах в 5, стоял двухэтажный деревянный дом. На крыше были два мальчика, которые чистили водосточные трубы. Один из них—Вася Вильюков, услышав крик:—„Женя утонул“, смело прыгнул с крыши прямо в крапиву выскочил и нырнул в пруд. Он достал мальчика, которого откачали.

Вот смелый пионер, не боялся сломать ног. По-пионерски!.

Пионер Владимир Бабакин (10 лет).

Зав. «Светлана», Лесное, Ленинград.

ЭКСКУРСИЯ.

Я с папой был на территории Сельско-Хозяйственной выставки. Там смотрел военную выставку. Я там видел настоящие пушки, аэропланы, паровозы, как настоящие, и много других интересных вещей.

И я там видел фигуру дедушки Ленина. Она прикреплена к радиоприемнику. Есть очень много и других интересных вещей.

Изя Альперт (6 лет),

Москва.

ШАЛУНЬИ-КОШЕЧКИ.

Кошечки-шалуньи: забрался в погребушку, опрокинули там кринку, тут и до сметанки добрались; лапки в кринку обмакнули и облизывают их.

Вот одна уже наелась, забавляется игрой, а другая отклонилась, смотрит косо на еду; можно каждому заметить, что она уже сыта; третья кошечка побольше, лапкой в криночку еще. Видно, дольше всех играла, оттого и дольше ест.

Л. Зубарева.

Асбестовые рудники Октябрьского участка.

Октябренок
ЛЮТИК КАРПИНСКИЙ.

$5^1/_2$ лет, в Ессентуках, не сказав матери, пошел в отряд октябрят, записался и посещал собрания.

Любимая его песенка.

Несчастья, горюшка
Годы прошли,
Мы по стопам верно
Ленина шли.

Припев: Эй, на работу, ребята, идем,
С песней скорее до места дойдем.

Ленин—наш вождь,
Он прогнал всех царей,
Спас он рабочих,
Крестьянских детей.
Эй, на работу, ребята, идем,
К жизни счастливой мы всех приведем.

ЖАЛКО.

Мурзилка, Мурзилка, мне тебя жалко, что ты на платформе остался, а поезд ушел. Где ты, Мурзилка?

Нина Капкова ($5^1/_2$ лет).

Детское Село.

Дорогой наш „Мурзилочка“.

Мы, дети, живем на фабрике „Электросталь“, на станции Затишье, и собираемся вместе, чтобы читать твои, Мурзилочка, прекрасные похождения. Нам папа вырезает и наклеивает приложения. Завод вышел чудесно, вроде нашего затишьинского. Теперь мы знаем, что такое „доменная печь“—„электрокран“ и что на заводе делают.

Присылай нам, Мурза-Мурза, побольше приложений и выходи почаще в свет.

Мурзилочка, а сколько тебе лет?

) Ира, 2) Эрик Майзель (5 и 6 л.), 3) Римма Кожевникова (6 л.), 4) Нина Каланченко (5 л.), 5) Игорь Ларин (6 л.), 6) Вава Акимова (7 л.).

Мне два года третий. **„Мурзилка“.**

ОТВЕЧАЮ.

Ю. Виноградову. В чем же твое горе? Не понимаю Теперь будешь зато аккуратно получать журнал каждый месяц.

В. Строкопытову. Присылай. Если хорошие, напечатаем.

Бебе Воловику. В октябрята записаться можно от 8 лет до 11, в детский сад—от 3 лет.

Сереже Сапрыгину. Буду ждать от тебя описаний, как живут сибирские мурзилята.

Н. Мищенко. Раз кто попал на № 26,—все должны собраться на нем. На № 48 придется стоять до тех пор, пока тебе не удастся выкинуть 2 очка.

Цапкину, Амосову, Гале Рокос, Яше.—Об'яснения даны в № 10, на обложке.

Дмитриеву Всех зверей на одном листе не уместишь. Когда будет второй лист приложений, тогда—другое дело. **„Мурзилка“.**

РАДИ ПОТЕХИ.

ЗАГАДКИ.

Стоит толстенная,
Пасть здоровенная...
Вместо зубов
Золотые чурочки.

Печь.

Ты за ним,—он от тебя;
Ты от него,—он за тобой.

Тень.

Стоит дуб,
В нем двенадцать гнезд,
В каждом гнезде
По четыре яйца,
В каждом яйце
По семи цыпленков.

Год.

Снежное чучело.

Пожалуйста, вылепите такое чучело из снега. Я думаю, снега у вас хватит.

„Мурзилка“.

Дровосек.

В скором времени в Дуровский уголок прибудет индийский слон. Наступающие холода не позволяют его вывезти из-за границы сейчас же. Для этой цели ему шьют сапоги, штаны, попону и башлык. *(Из газет).*

Вероятно, он будет ходить так!

Катя Иваненко.

НА СМЕНУ!

Миша, Гриша, Даша, Маша
Пионерами не были,
Миша, Гриша, Даша, Маша
Очень даже скучно жили.

Миша, Гриша, Даша, Маша
Пионера увидали.
Миша, Гриша, Даша, Маша
Пионерами все стали!..

М. Терская.

Издатель **«Рабочая Газета».** Редактор **Н. И. Смирнов.**

Главлит № 49.617 Тип. „Раб. Газ.“ Сущевск. Кам.-Кол. вал, 63. Тираж 75.000,

Цена отдельн. № (с прилож.) 40 коп. в мес.

Подписывайтесь на „МУРЗИЛКУ“ на новый год с 1 октября.

ДАВНО ПОДПИСАЛИСЬ!